

- ций. М.: Гардарики, 2000. С. 526–527.
15. См.: Князева Е., Курдюмов С. Синергетика: начала нелинейного мышления // *Общественные науки современность*. 1993. № 2. С. 38–52; Митина О., Петренко В. Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // *Общественные науки* и современность. 1995. № 5. С. 103–115; и др.
16. См.: Берсенёв В.Л., Горст А.П. Опыт ретроальтернативного прогнозирования развития социально-экономических систем (на примере сельского хозяйства Свердловской области в 1990-е годы) // *Экономика региона*. 2007. № 2. С. 33–43.

Зайнетдинова Р.А.

СОБАКА – РОД – СТО

(К ВОПРОСУ О ЛИНГВОФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ В СССР)

Зайнетдинова
Регина Аликовна

кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и культурологии Института международных связей

Марризм – значимый и по длительности, и по содержанию период в истории практической языковой политики в СССР – как теория не только не исчерпал себя на сегодняшний день в России¹, но и привлек внимание зарубежных исследователей. В 2004 году в Лозанне известным историком русской науки о языке Патриком Серио была проведена международная научно-философская конференция «Потерянная парадигма: марристская лингвистика в СССР». Н. Я. Марр и его учение участниками этой конференции был воспринят по-разному: как «великий шаман», как «противник лингвистического позитивизма, наряду с А. Потебней, И. Бодуэном де Куртенэ, Г. Шухардтом, Э. Кассирером и К. Фосслером», как «философ и генератор идей», как «промежуточное звено между индуктивно-уровневой и дедуктивно-дискурсивной лингвистиками».

По замечанию В.М. Алпатова, в международной лингвистической энциклопедии Н. Я. Марр оказался единственным удостоенным персональной статьи лингвистом, который назван русским². В. М. Алпатов рассматривает марризм как явление

вполне соответствующее мифотворческой атмосфере в СССР 20-х – 50-х гг. прошлого века. По его мнению, трагедией нашей отечественной науки о языке стало то, что по ряду причин вненаучного характера его идеи внедрялись в качестве догм; а в том, что еще до официального признания и насаждения «новое учение о языке» имело несомненную популярность, Алпатов видит подтверждение его притягательности как мифа. Как иначе можно объяснить терпимость научного сообщества по отношению к идеям «ученого», который в своих исследованиях по истории слов, отбрасывая строгие фонетические законы, открытые наукой XIX века и основывался на внешнем созвучии? Например, Марр связал немецкие слова *hund* (собака) и *hundert* (сто), руководствуясь следующими «закономерностями развития»: собака – тотем «собака» – члены рода – множество людей – много – сто.

Особую роль здесь сыграло совпадение деятельности Марра с периодом кризиса компаративистского подхода в мировом языкознании. Вопросы происхождения и развития языка в западной науке в это время отходят на второй план в связи с развитием структурализма и синхронных исследований. В противоположность структурализму, изучающему языковую структуру, марризм не только продолжает исторический подход к языку, но и ставит целью своего исследования период зарождения языка. Периоды возвышения и падения марризма совпадают с изменениями идеологической ситуации в СССР. Здесь В.М. Алпатов ссылается на версию Р. Лермита, согласно которой космические идеи Марра, его национальный нигилизм, отвержение всей русской науки были созвучны атмосфере двадцатых годов, но в начале

пятидесятых, когда «отечество» и «самобытность» берут верх над «космополитизмом», марризм строго осуждается властью³.

С. Зенкин также отмечает вновь начатую П. Сериио рефлексию марризма. Мнение, согласно, которому, многие идеи всемогущего академика были фантастическими и «магическими», а возглавляемая им школа вела агрессивную по отношению к оппонентам политику, многими историками идей поддерживается. Но при этом учение Марра рассматривается как продолжение полигенетической концепции развития языков, отброшенной лингвистикой XX в. Согласно этой концепции, не существовало единого праязыка, а современные языки образовались путем сложных скрещений изначально чуждых друг другу элементов. П. Сериио, например, сближает учение Марра с осужденной в СССР за «идеализм» теорией номогенеза Л. С. Берга, с биологизирующей «морфологией» сказки В. Я. Проппа, а также с евразийской лингвистикой Н. С. Трубецкого и Р. О. Якобсона. Английский исследователь – К. Брандист – сопоставляет с марристским языкознанием литературоведческие идеи М. М. Бахтина 1930-х гг⁴.

Строго говоря, во всей своей теории Н. Я. Марр касается двух философских вопросов: вопроса о происхождении языка и тесно примыкающего вопроса о связи языка и мышления.

Марр считал, что «подобно глоттогонии, языкотворчеству, теоретические учения о языке – также продукция социальных факторов и их активных сил, т. е. старое учение о языке своими качествами обязано, в конечном счете, породившей его целиком буржуазной идеологии». И поскольку буржуазная идеология в корне извращает естественное положение дел в угоду конкретному классу, постольку и направление, которым следует продуцируемое ей учение о языке, неверно. «Новое учение о языке», по мнению Марра, вновь ставит вопросы, которые «отметались как ненаучные, так, например, вопрос о происхождении языка»⁵. На эти вопросы, считает Марр, ему помогло выйти предположение, сделанное в отношении кавказских языков, так называемая «яфетическая теория». Одним из выводов яфетической теории является вывод о том, что распределение языков по «языковым семьям» генетическим методом, заимствованным из биологии не соответствует реальным связям языков друг с другом.

Сам подход к языку как к явлению биологическому, «чуть ли не физиологическому явлению, где звуки и формы захватывали все внимание», противоречит представлениям о языке как социальном явлении. Идеология построения речи, таким образом, оказалась органически связанной не с физической природой человеческих группировок, а с хозяйством и с техникой и выросавшим из них мировоззрением. Человеческие сообщества как коллективные творцы звуковой речи объединены не родовыми признаками (по крови или по физическим данным), а домостроительными интересами (хозяйство и оборона), то есть *независимо от цвета кожи, черепных или иных антропологических характеристик*.

Следовательно, сравнительное языкознание, понимаемое Марром как «индоевропеистика», занято изучением общих черт различных языков, представляющих позднейшее достижение человечества. Наблюдаемые на поверхности сходные черты приводят сравнительное языкознание к идее первичного физиологического родства языков, причем делаются эти выводы на единственном «отрезке» индоевропейских языков, принимаемом за особую изолированную семью, искомым праязык, таким образом, становится праиндоевропейским. Причем период изучения языка и языковых явлений с данной точки зрения ограничивается охватом времени развития звуковой речи с момента уже ее вполне сложившегося и стабилизовавшегося в определенном типе состояния.

В свою очередь, «яфетическая теория» учитывает не только сходные по формальным признакам явления различных языков, но, прежде всего, *несходные*, анализ функций которых с опорой на исследование общественного порядка и зависящее от сближения, общения и объединения хозяйства скрещение языков дает понимание содержания конкретного лингвистического явления. Марр также исходит из предположения изначально незвукового бытия языка – «речи линейных движений, ручной в основе», и мимики. Звуковая речь, выделившись из «нераздельного на первых этапах с продолжавшею существовать линейною речью широкого социального потребления», становится уже «классовой», т. е. употребляется в «производственно-социально-дифференцированном человечестве». Подтверждает Марр данный вывод следующими рассуждениями:

«в технике словообразования и даже морфологии вскрылась система мышления человечества еще с одной ручной речью, например, слово «звать» оказалось в своем первичном восприятии одного происхождения с глаголом «указывать», «манить», оно также восходит к имени «рука», точнее к предметному образу о «руке», орудию производства акта призыва ручным движением»⁶.

Лингвистическим элементом, таким образом, становится не фонема, явление более позднее, а значимое слово, т.е. мысль в звуковом воплощении, которое положило начало звуковой речи. Всего четыре лингвистических элемента – первичных значимых слова, возникших в неразрывном двухстороннем недифференцированном «трудмагическом процессе» звуковых комплекса – являются частями любого языка, какой бы он ни был формации, и не подлежат дальнейшему анализу. Таким образом, по Марру, звуковая речь возникла тогда, когда человечество *уже имело* не только материальную, но и «надстроечную» культуру – определенное мировоззрение, – развившуюся в период палеолита за время господства «кинетической» речи. Язык следовательно есть «надстроечная категория» на базе производства и производственных отношений, предполагающих наличие *трудового коллектива*.

Следующим шагом в рассуждениях Марра становится суждение о *стадиальном развитии языка* как надстройки, такой же, как искусство. Согласно теории «нового учения», языковое развитие идет не от общего языка к частным, а от множества различных языков, проходящих, тем не менее, одни и те же стадии развития, к их единству, и в таком случае «праязык есть сослужившая свою службу научная фикция». В результате множества скрещений количество языков уменьшается, и в будущем, коммунистическом обществе, по мнению Н. Я. Марра, этот процесс найдет завершение в создании всемирного языка, отличного от всех существующих.

На научную несостоятельность лингвистической теории Марра, начиная с Е. Д. Поливанова, указывали многие профессиональные лингвисты⁷. Что касается философской концепции марризма, официально начало ее опровержения было положено в 1950 году статьей профессора Тбилисского Государственного университета

имени Сталина А. С. Чикобава «О некоторых вопросах советского языкознания». Чикобава считает постановку проблемы о надстроечном характере языка в яфетической теории Н. Я. Марра в общем правильной, но обращает внимание на то, что специфика языка как надстроечной категории в учении Н. Марра «затушевывается», а вопросы, на которые должна быть расчленена проблема, не конкретизируются. В то же время, учение Н. Я. Марра о классовости языка совершенно несовместимо с марксизмом. Выделение стадии кинетической речи в развитии языка Чикобава также считает непродуктивной: «Ясно, прежде всего, что, когда говорят о происхождении языка, речь идет о звуковом языке, который служит средством общения человечества, а не о немом, «ручном» языке, который собственно и нельзя назвать языком, поскольку он является немым, бессловесным. Во-вторых, вопрос о происхождении языка никак нельзя смешивать с вопросом о происхождении отдельных конкретных языков и тем более нельзя сводить к установлению того, сколько было вначале «слов» и какие это были «слова», не говоря уж о том, кто ими обладал и какая за них «шла борьба». В каких условиях должен был зародиться язык – вот основной вопрос, на который призвана ответить теория происхождения языка. Согласно учению классиков марксизма, язык возник в процессе трудовой деятельности, язык возник из потребности общения. Первичный язык был звуковой речью»⁸. Статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании»⁹ содержала резкую критику «нового учения о языке» как антимарксистского. Первая ее половина была посвящена философским положениям Марра о принадлежности языка к надстройке и о классовости языка: структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох, следовательно, элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства; развитие языка происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового – путем взрыва, как это происходит с надстройкой, а путем развертывания и совершенствования основных элементов структуры существующего языка.

Продолжая участие в публикуемой «Правдой» дискуссии, Сталин обращает внимание на то, что в концепции Марра мышление существует в от-

рыве от языка, мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языковой оболочки, что совершенно неверно. Мысли могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. В доказательство Сталин приводит высказывание Маркса: «Язык есть непосредственная действительность мысли». Далее к сталинской критике присоединяются и другие: «Самое определение языка как магического средства, будто бы находившегося исключительно в распоряжении жрецов и магов, в корне противоречит марксистско-ленинскому пониманию языка как орудия общения всего народа... в противовес совершенно четким и предельно ясным положениям марксизма-ленинизма о возникновении классов на определенном историческом этапе развития общества, Н. Я. Марр, не считаясь с фактами, говорил о классах в первобытном обществе, чтобы как-то обосновать антимарксистский тезис об изначальной «классовости» языка»¹⁰.

Критика концепции Марра, осуществленная в пятидесятых годах прошлого века, сама не свободна от недостатков, это и вызывает естественное сочувствие марризму. Ведущий научный сотрудник ИРИ РАН Б. С. Илизаров отмечает, что Марр был близко знаком с Л. С. Выготским и А. Р. Лурия, а в 1934 году они вместе с С. М. Эйзенштейном намеревались начать совместную большую работу по истории и теории киноязыка.

Работа Л. С. Выготского «Мышление и речь», впервые вышедшая в 1934, посвящена анализу генетических корней этих высших психических функций и вывод о разном их происхождение, к которому Выготский приходит, действительно созвучен концепции кинетической стадии развития языка Марра. В связи с анализом вербального поведения шимпанзе, овладевающих языком-посредником для общения с человеком психолог пишет, что у антропоидов не обнаружено характерного для человека тесной связи между мышлением и речью, а следовательно, мы можем констатировать доречевую фазу в развитии интеллекта и доинтеллектуальную фазу в развитии речи. Но можно ли при этом утверждать, что Л. С. Выготский находился под влиянием идей Марра¹¹? В 1930-х годах XX века над этой же проблемой работал ученик И. П. Павлова академик Л. А. Орбели,

по мнению которого, существуют промежуточные этапы между сигнальными системами, которые обеспечили возможность использования символов вместо реальных объектов и реальных явлений, т. е. существование переходного уровня отражения психикой реальной действительности.

Концепция Н. Я. Марра содержит множество противоречий, на что обращали внимание даже его защитники в вышеупомянутой дискуссии¹². Несомненно, марризм сыграл свою роль в становлении русской науки о языке, но скорее, как единственная официально признанная научная и идеологическая доктрина, как и любая другая тормозившая и деформировавшая научный поиск.

Примечания:

1. См., например, Илизаров Б. С. Почетный академик Сталин против академика Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 3, 4, 5; Илизаров Б. С. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
2. Алпатов В. М. Актуально ли учение Марра? // Вопросы языкознания. – М., 2006, № 1. – С. 3–15.
3. См.: Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. – М., 1991; Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // Философские исследования, 1993, № 4. – С. 271–288.
4. См.: Зенкин С. Идеология языка (Заметки о теории, 12) // «НЛО» 2005, № 76.
5. Марр Н. Я. Извлечения из работ // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX Век в очерках и извлечениях. Часть 2. – М.: Просвещение, 1964. – С. 280.
6. Там же. С. – 284.
7. См.: Поливанов Е. Д. Историческое языкознание и языковая политика // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX Век в очерках и извлечениях. Часть 2. – М.: Просвещение, 1964. – С. 276.
8. Чикобава А. С. О некоторых вопросах советского языкознания // «Правда» от 6 мая 1950 года.
9. Основой для статьи И. В. Сталина Марксизм и вопросы языкознания: относительно марксизма в языкознании – III, опубликованная в газете «Правда» от 4 июля 1950 года, по мнению В. М. Алпатова, являются идеи А. С. Чикобава, Б. А. Серебренникова и др.
10. Сухотин В. П. Критика «учения» Н. Я. Марра о «классовости» языка // сб. Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании, М.: Изд. АН СССР, 1951. – С. 15.
11. См.: Илизаров Б. С. Почетный академик Сталин против академика Марра. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 3, 4, 5.
12. См., например, Мещанинов И. И. За творческое развитие наследия академика Н. Я. Марра // «Правда» от 16 мая 1950 года.